

Модернизация: кто и чем оплатит?

Немногим более года назад Президент Д. Медведев в статье “Россия, вперед!” раскрыл свое видение будущего страны. Его главный посыл: необходимо отказаться от сырьевой экономики, остановить деградацию промышленности, преодолеть все растущее отставание от развитых государств. Президент призвал к переменам, означавшим начало модернизации страны. Статья вызвала достаточно острое обсуждение, в ходе которого серьезно изменилась политическая риторика. Сегодня речь преимущественно идет об инновациях, инновационной экономике, экономике знаний. К концу будущего года, уверен директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав ИНОЗЕМЦЕВ, термин “модернизация” практически исчезнет из политического лексикона — разговор о ней просто свернется без реальных последствий.

— После выборов?

— Уверен, в предвыборных дискуссиях эта тема не будет ведущей.

— Не поспешен ли вывод?

— Увы, нет. Серьезное отношение к идее модернизации требует как минимум понимания всей глубины отставания, необходимости заимствования лучших технологий, отказа от иллюзий о нашем технологическом лидерстве на планете. И решающее требование — активность политической и государственной бюрократии, обусловленная этим пониманием. Невозможно говорить о модернизации страны, если бюрократия находится в абсолютно расслабленном состоянии. А она в нем находится, привыкнув заниматься схемами передела собственности и финансов, воровать — и не нести никакой ответственности за действия или бездействие. Перевод проблемы модернизации к проблеме инновационной, для сегодняшней России совершенно иллюзорной, экономики — тоже способ уйти от реальных дел и реальной ответственности.

Это принципиальная ошибка в определении приоритетов. Делать упор на инновациях, когда в стране нет развитой промышленности, — финансировать индустриальное развитие других государств. Не нужно пытаться пройти по пути, который не удалось осилить никому. Инновационные экономики самых развитых стран выросли из индустриальных, как и постиндустриальные общества из индустриальных. Это естественное развитие, естественный переход. Поэтому развивающиеся страны считают главной задачей создание современной конкурентоспособной промышленности. Только она способна воспринимать инновации, формировать направления будущих прорывов на мировой рынок, готовить кадры, обеспечивающие этот прорыв.

Утверждения о том, что этап индустриализации мы прошли в прошлом веке, — свидетельство непрофессионализма или заведомый обман. Она была не полной, не комплексной и осталась незавершенной, а последние двадцать лет активно разрушалась. Промышленность советской России и России сегодняшней практически не сопоставимы — ее демодернизировали. Впрочем, процесс продолжается. Остановить его можно только энергичными усилиями власти — реиндустриализацией, ограничением всевластия сырьевых монополий, демонополизацией, укреплении среднего и мелкого предпринимательства. Но первый обязательный шаг — отделение бизнеса от власти, профессионализация всей вертикали государственного управления. На наших глазах Китай стал действительно великой державой. Он обошел нас, например, по производству цемента в 32,5 раза, по выпуску грузовых автомобилей — в 50,4, по сборке компьютеров

— в 760 раз. И эта мощная страна продолжает собирать по миру лучшие технологии и намеревается продолжать это до 2050 года. Успех Китая обусловлен его модернизацией. Сравнив исходные позиции России и Китая, скажем, в 1985 году, осознаем, что и как должно делать государство, решившее догнать современный мир. Если не будем подменять четкий последовательный план модернизации красивыми, но пустыми иллюзиями. Что и происходит, поскольку сама тема монополизирована структурами, продолжающими разбазаривать природные ресурсы. Уточню, для меня модернизация — это активный, под руководством государства, вывод страны на траекторию естественного органичного развития.

Справка

Россия — сократилось производство: цемента — в 1,78 раза, легковых автомобилей — в 1,95, грузовых — в 5,87, тракторов — в 34, часов — в 91, фотоаппаратов — в 900 раз. Компьютеры и мобильники не выпускаются вообще.

СССР экспортировал 5 процентов добываемого угля, 5,5 — круглого леса, 10,7 — природного газа, 19,7 процента — нефти. Россия вывозит соответственно 32,5 процента, 23,8, 28,8, 66,4. Ее доля в мировой добыче нефти уменьшилась с 19,4 до 12,9, а газа — с 35,8 до 17,6 процента.

Китай — возросло: добыча угля — в 3,6 раза, производство электроэнергии — в 8,4, стали — в 8,6, цемента — в 8,7, автомобилей — в 31,2 раза, изготовление персональных компьютеров (109 миллионов) и мобильных телефонов (574 миллиона штук) — больше, чем во всем остальном мире.

— Поскольку само понятие “модернизация” трактуется (и понимается) неоднозначно, давайте уточним его.

— В послевоенные годы в западной социологии появилась идея общества модерна — нового современного общества. Позже, в 60-е, термин “модернизация” стал использоваться сперва для обозначения процесса выхода стран из колониальной эпохи, а затем — для развивающихся стран, стремящихся догнать западный мир. Термин, на мой взгляд, достаточно четкий, однозначный — аналог тому, что мы называем “догоняющее развитие”. Никто и никогда не говорил, например, о том, что США модернизировались после Гражданской войны или Германия в начале XX века. 90-е годы — период самого активного использования этого понятия. В этот период предпринималось наибольшее количество попыток перейти к рыночной экономике, западным моделям. Быстро развивались страны Азии, Восточной Европы, частично — и латиноамериканские. Но олицетворять модернизацию с вестернизацией совершенно неправильно. При единстве цели каждое из успешно развивающихся государств опиралось на свою культуру, самобытность, традиции. Поэтому есть все основания трактовать “модернизацию” как экономическое развитие: быстрая индустриализация, наращивание потенциала, освоение лучших (не только западных) технологий, методов управления, усиление конкурентоспособности и выход на мировые рынки. Поэтому совершенно неправомерно у нас говорят о политической модернизации, подразумевая демократизацию. На Западе понятия “экономическая модернизация” и “политические реформы” всегда были разделены. Разумеется, идеальный вариант модернизации — изменение российского

политического класса и масштабная технологическая перестройка — и совершенно нереальный. Все и сразу не получится. Приоритет за экономикой. Ее подъем обусловит и будет подталкивать политические реформы, расширение демократии. Успешная модернизация экономик в Японии, Южной Корее, Сингапуре, Китае убеждает в этом...

— **Если модернизация — осовременивание экономики и общества, преодоление отставания, то сколько раз через нее проходила Россия? Вряд ли можно сводить ее длинный путь к коренным переменам Петра I и Сталина.**

— Нет, конечно. Некоторые историки смотрят гораздо дальше, в глубь веков, в допетровскую Русь и ведут отсчет с Ивана Грозного. Но проблемы его времени скорее были политическими — централизации страны. При Петре I остро встала проблема преодоления отставания, угрожавшего существованию самой России. Он точно оценил те классические элементы, на которых развивалась Европа, и на их основе выстроил фактически новое, вполне европейское государство. Разумеется, никто не называл реформы императора модернизацией (сам термин, повторюсь, родился через 250 лет), но они — первый в истории пример успешного догоняющего развития. К сожалению, это было и первое подтверждение вывода социологов: есть модернизатор — есть модернизация, нет его — нет и модернизации. Преемники Петра так и не поняли, что делать, как распорядиться его реформаторским наследием, продолжить его. Россия, догнав Европу, остановилась, не смогла стать лидером и постепенно вновь отстала. Поэтому Александру II потребовались новые реформы, без которых, как показала Крымская война, Россия не выдержала бы новых военных испытаний. Прежде всего нужно было отказаться от крепостного права — и по экономическим, и по политическим причинам. Оно не соответствовало европейским стандартам того времени. Реформы Александра II — Петра Столыпина тоже были успешными. Они подтолкнули быстрое развитие страны. Более того, она вовлекалась в общую экономическую систему Европы. Уже в начале XX века около 75 процентов инвестиций в железнодорожный транспорт, в нефтяную промышленность, в машиностроение были иностранными. По сути, Столыпин пытался создать самодостаточную, саморегулирующуюся экономическую систему. Попытка не удалась главным образом из-за европейских проблем, приведших к Первой мировой войне...

Все российские модернизации начинались тогда, когда отставание от остального мира становилось жизненно опасным. Особенно это относится к сталинским преобразованиям в условиях острого противостояния. Не буду касаться его идеологических истоков, но вопрос действительно стоял или-или. Или догоним — или сомнут, Сталин имел все основания для такого заявления. В чисто экономическом, технологическом отношении модернизация была успешной — благодаря ей СССР победил в Великой Отечественной войне. При этом была и остается гигантская проблема — цена этого успеха. О ней нельзя не говорить, но нельзя забывать и о 30-летнем послевоенном громадном экономическом росте с темпами выше, чем в Японии и Германии. К 60-м годам СССР обладал не только высочайшими достижениями в некоторых областях, но и имел общество с нормальным характером мотиваций. Общество, ценящее знания, технологический прогресс, инновационность.

Неплохо работала и система отбора, выбраковки кадров. Во всяком случае, тогда в ЦК не попадали малоподготовленные, некомпетентные люди, подобные тем, которых сегодня нередко встречаем в высших эшелонах власти. И еще очень важный момент — бюрократия была отстранена от решения коммерческих вопросов, которые для нынешних чиновников стали преобладающими...

— Но если верить политикам, политологам, причины наших бед — плохое наследство: отсутствие конкуренции, сырьевая экономика.

— Не верьте. Советская экономика была достаточно конкурентной. Особенно те ее отрасли, которые добивались выдающихся результатов, ракетно-космическая например. И получены они благодаря острой интеллектуальной, технологической конкуренции, которой сегодня нет и в помине. Неправда и то, что советская экономика была сырьевой. Добывающие отрасли давали в бюджет меньше, чем обрабатывающая промышленность, особенно пищевая и легкая. Плохо, разумеется, что производили не самую лучшую продукцию, что не росла эффективность производств. Но незачем придумывать лишнее — как в анекдоте, вали на предшественника. Резкое, в разы, наращивание экспорта сырья — “достижение” последнего двадцатилетия. Как и резкое сокращение выпуска промышленной продукции — и на экспорт, и для внутреннего рынка.

Фактически отечественная экономика превратилась “в однопродуктовую”, аномально специализированную — подобные еще остаются лишь на арабском Востоке. Поэтому совершенно прав Дмитрий Медведев: Россия не может оставаться только поставщиком нефти и газа, жестко зависимой от экспорта сырья и импорта огромного количества товаров. Страна потихоньку уходит с мировой экономической арены. Неизбежное продолжение — уход и с политической, и в скором будущем она может столкнуться с очень серьезными проблемами. И не надо успокаивать сказками о том, что Европа и Америка давно занимаются лишь разработкой технологий, а все производства перенесены в менее развитые страны.

Уточню, доля промышленности России в ВВП — 14 процентов, Германии — 34 процента. Поэтому она и остается крупнейшим промышленным экспортером. Среди потребляемых американцами товаров импортные составляют всего 10—11 процентов. А у нас?

США по-прежнему производят очень многое, хотя часть производств действительно вывели за пределы. Отличие Америки от России в том, что американцы создают технологии, на потоке доводят их до необходимого совершенства, а затем сплавляют в другие страны... Совершенно иная ситуация, когда В. Вексельберг показывает Президенту Д. Медведеву мобильный телефон и обещает начать их производство на Тайване. Сами еще ничего не сделали, ничему не научились и побежали: доработайте за нас. Мне не понятна “такая модернизация” и такие инновации. Наша проблема, думается, в том, что мы не прошли этап конкурентной индустриальной экономики — без этого невозможно идти дальше. Нельзя сразу прыгнуть в постиндустриальное общество, в постиндустриальную модернизацию, в инновационную экономику. России не избежать, если она действительно намерена “встать с колен”, новой индустриализации — создания конкурентоспособной промышленности, выпускающей большинство необходимых изделий: машиностроения, судо-, авиа- и автомобилестроения, производств товаров народного потребления, электроники. С их развитием появятся и потребность в инновациях, и условия для серьезных технологических прорывов. Так поступали все успешно развивающиеся в последние десятилетия страны. В Китае, Южной Корее, Бразилии, Малайзии доля обрабатывающей промышленности в ВВП — от 28 до 40 процентов. В основе их быстрой и эффективной модернизации — новейшие западные технологии. Россия тоже должна скупить те технологии, которые ей нужны, освоить их, модернизировать инфраструктуру. Все это не потребует много времени. Китай в 1985 году имел всего один из 50 крупнейших портов мира. Сейчас у него 12 из 20 крупнейших портов. Каждый из них строился 3—4 года и стоил около 4 миллиардов долларов. Вот и сравните с затратами на Сочинскую олимпиаду... Мы начинаем развивать Транссиб, но на

Дальнем Востоке нет ни одного крупного порта. Зачем железная дорога, если нет “перевалки” с моря на берег?

Справка

В Послании Федеральному Собранию 2009 года Д. Медведев назвал приоритетные сферы модернизации: медицинские технологии, повышение энергоэффективности, ядерные технологии, телекоммуникации и космическая отрасль, информационные технологии.

— Подождите-подождите, Президент определил пять направлений модернизации, но они не имеют ничего общего с теми, о которых говорите вы.

— Президент говорил и о том, что “мы должны начать модернизацию всей производственной сферы” и что “необходимо переориентироваться именно на реальные потребности людей”. Но вклад ядерной энергетики, космического комплекса, фармацевтики, информатики в ВВП около 3,5 процента. В этих отраслях занято менее 3 процентов всех работающих в стране. К тому же и атомная энергетика, и космические технологии — сферы крайне политизированные, регулируемые межгосударственными соглашениями. Грубо говоря, скажут США своим союзникам: не покупайте у России — и не купят. Создается впечатление, что намеченные ориентиры отражают “остаточный” подход к самой проблеме модернизации. Возможно, эта “остаточность” следствие того, что традиционные локомотивы модернизации — автомобилестроение (Япония), судостроение (Южная Корея), авиастроение (Бразилия), инфраструктура — уже отданы госкорпорациям. У них и основные деньги на развитие. Правда, как они используются, какова отдача от них — большой секрет. Убежден, так считают и многие аналитики, пять приоритетов — ориентиров в ближайшие годы не изменят ни нашу экономику, ни уровень и качество жизни россиян. Чтобы идти вперед, нам нужен четкий конкретный план модернизации страны, очищенный от иллюзий и предельно реальный. Началом ее должно быть развитие инфраструктуры, приобретение технологий, привлечение промышленных инвесторов.

— Намеревался спросить: цена модернизации, возможна ли она без мобилизации? Но если нет плана, не определены задачи, сроки, способы их решения, то незачем и задавать эти вопросы. Отложим их до следующей встречи.

— Цена модернизации, источники ее финансирования пока не обсуждаются. Одно несомненно: осовременивание экономики потребует больших средств, усилий, ресурсов. Модернизация и мобилизация — процессы изначально взаимосвязанные. Недавно я участвовал в интересной, но закончившейся ничем дискуссии. Наша политическая элита, судя по обсуждению, за модернизацию, но не согласна оплачивать ее. Грубо говоря, пусть все остается как есть, но при этом еще и модернизируется. Основные бизнес-группы тоже заинтересованы в том, чтобы и государство не менялось, и в нем ничего не менялось. Бюрократия, для которой почти открытое участие в бизнесе, “распиливание” бюджетных средств и доходов от экспорта сырья важнее непосредственной госслужбы, делает все возможное, чтобы избежать навязываемых Президентом перемен. Так что главная проблема модернизации политико-организационная. Финансовая — менее сложная.

— **Есть ли в стране интеллектуалы, способные разработать комплексную программу модернизации? Как теперь любят говорить, дорожную карту, указывающую маршрут из отстающих в передовые?**

— Скажу помягче: не будем переоценивать наши возможности. Прежние структуры комплексного перспективного планирования разрушены. Специалисты по этой тематике не готовятся. Полностью утрачена идея нормального межотраслевого баланса. Основные программные документы, принимаемые Правительством, по сути, денежные ведомости: кому, сколько, в какие сроки направить средств. Причем логика денежных схем малопонятна, конкретная, “материальная” отдача от вложений не оговорена. Я анализировал пятилетние планы развития Китая — в них все конкретно расписано, указаны количественные показатели...

Вероятно, для разработки плана или программы модернизации необходимо пригласить зарубежных специалистов, но не из МВФ или американских университетов, а экономистов, аналитиков с опытом успешных модернизаций — из Бразилии, Сингапура, Южной Кореи, Китая, Японии. Мы практически не знаем экономистов этих стран, соавторов экономического чуда. Для нас носителями истины и мудрости все еще остаются американцы, суть рекомендаций которых анекдотически банальна: изгонять государство из экономики. Но успешными были модернизации только в сильных государствах, умеющих управлять “невидимой рукой рынка”.

— **Все чаще звучат опасения, что грядущую модернизацию, как и все предыдущие реформы, оплатит народ. Как специально, И. Юргенс цинично обвинил его в иждивенчестве, деградации. Вот уж ему, остальной либеральной элите не повезло — не тот народ им достался...**

— Сперва о И. Юргенсе. Категорически не согласен с его рассуждениями. Российский народ достоин самого искреннего уважения и восхищения. Он оказался намного лучше, умнее, добрее власти, дважды обворовавшей его, нарушившей все свои обещания, организовавшей немыслимое социальное расслоение, допустившей гражданскую войну на Северном Кавказе. Граждане страны ежедневно показывают, насколько они самостоятельны и ответственны. Они научились защищаться от государства и его элиты, не только выживать в невероятных условиях, но и повышать свое благосостояние. Несомненно, народ будет, возможно, самым достойным участником модернизации. Если, конечно, элита не попытается все ее тяготы и все свои промахи свалить на него. Несомненно, рост благосостояния, рост уровня жизни замедлится, но нет никаких причин для того, чтобы россияне завтра жили хуже, чем сегодня.

Беседу вел
Леонид ЛЕВИЦКИЙ,
“РФ сегодня”.

Послесловие к беседе

В. Иноземцев все последние годы доказывал необходимость ускоренной модернизации отечественной экономики. Об этом он говорит и в публикуемой беседе. Но в последних своих выступлениях и статьях ученый отмечает, что в сложившихся условиях она практически невозможна. “В России нет предпосылок для модернизации — ни на уровне

общества, ни на уровне власти”.

Вот его доводы.

История учит. Любая российская модернизация начиналась после того, как страна заходила в серьезный тупик, когда терпела фактически цивилизованную по своим масштабам катастрофу. Не было модернизаций, которые бы начинались в относительно спокойных условиях. А нынешние условия достаточно комфортные и спокойные. Все исторические перемены, из которых Россия выходила по пути модернизации, объединяли народ с политической, интеллектуальной, военной элитами. Сегодня такого единения нет. Каждому в отдельности решать свои проблемы гораздо проще, чем всем вместе решать проблемы страны...

О государстве. Многое зависит от того, есть ли у нас сильное и ответственное государство. Категорически утверждаю: сегодня его у нас нет, несмотря на всю официальную политическую риторику. Российское государство оказалось в критической зависимости от бизнеса, а большая часть бюрократии относится к власти как к одному из видов предпринимательской деятельности. Не считаю, что государство действительно имеет четко поставленные цели, которых намерено добиваться.

Об элитах. Наше общество, народ не ощущают острой потребности в модернизации. Элита либо тесно связана с сырьевой экономикой и не хочет модернизации, либо относится к модернизации глубоко индифферентно, как и к стране в целом. Скорее всего, она намерена воспользоваться ростом цен на сырье и вернуть Россию на путь, по которому она шла все докризисные годы. К сожалению, все больше людей убеждаются в том, что наша политическая элита — это не российская политическая элита. Нет ни одной страны, успешно осуществляющей модернизацию, в которой около 90 процентов крупных компаний зарегистрированы в офшорах и производят 56 процентов отечественного ВВП.

О прорабах модернизации. Кадровый голод убивает все серьезные программы перемен. Если власть действительно намерена вести объявленный курс, нужен “модернизационный призыв” — если и не на ведущие государственные посты, то в круг публичной политики. “Прорабы модернизации”, на мой взгляд, должны отвечать нескольким обязательным требованиям.

Они должны принадлежать “поколению Медведева”. Тому, которое помнит перестройку, сформировалось в конце 80-х — начале 90-х годов. Учитывая, что перестроечный порыв был мощным, а большинство провозглашенных целей так и не достигнуто, ощущение “незаконченности проекта” может быть очень полезным для реализации новых инициатив.

Они должны иметь высшее гуманитарное или естественно-научное советское образование. Оно было гораздо более глубоким и системным, чем нынешнее.

Они непременно должны иметь опыт успешного независимого предпринимательства и работы в бизнес-структурах. Люди, вся карьера которых связана исключительно с госслужбой, не способны модернизировать страну. Молодежь, которая приходит на госслужбу, как в бизнес, тем более.

Иноземцев, В. Модернизация: кто и чем оплатит?: Беседу вел Леонид Левицкий // Российская Федерация сегодня. - 2010. - ноябрь (№22).